

УДК 808.26-541.2

Василий Иванович Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Vasili Siankevich

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Professor of the Department of General Education Disciplines and Teaching Methods
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: sienkiewicz@tut.by

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ХОЛИСТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ *HOMO LOQUENS* (ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО)

В контексте феноменологии пользования рассматривается логистический аспект владения словом. Акцентируется язык цивилизованного пользователя – человека говорящего, противопоставленный дискурсивным практикам носителей культуры. Отмечаются сущностные характеристики пользования разными агрегатными состояниями логоса, обнаруживаемыми в (не) вербальном поведении, и выделяются существенные свойства, проявляющиеся в речевой деятельности языковой личности. Постулируется логистический статус и холизм общения.

Ключевые слова: феноменология, логос, холизм, язык сущности, пользователь, вербальная логистика.

Phenomenology of Use in View of Holistic State of Homo Loquens (Speaking Human)

In the context of phenomenology of use, the logistical aspect of word command is considered. The language of a civilized user – a speaking human, opposed to the discursive practices of culture bearers, is emphasized. The essential characteristics of the use of different aggregate states of the logos found in (non) verbal behavior are noted, and the essential properties manifested in the speech activity of a language person are highlighted. The logistic status and holism of communication are postulated.

Key words: phenomenology, logos, holism, essence language, user, verbal logistics.

Введение

В современном русском языке употребительно словосочетание «в целостности и сохранности»: *Все в порядке, мои ребята прибыли, ценный груз доставили в целостности и сохранности...* (В. Степанчев, «Терминатор из глубинки»); *Руки же дай мне, и я доставлю тебя на место в целостности и сохранности* (Группа авторов, «Большая книга сказок для маленьких принцесс»); *Таким образом, послезавтра вы его получите в целостности и сохранности* (Ш. Бронте, «Виллет»).

Очевидно, что холистичность (от др.-греч. *ὅλος* «целый, цельный») и сохранность не тождественны и принципиально не совпадают – не образуют единства и не сводятся одно к одному (*Весь мир, с точки зрения холизма, есть одно целое, где каждый элемент обладает смыслом, только находясь «в доле» с другими. Основоположителем современного холизма является Я. Смэтс, который процитировал слова из «Метафизики»*

Аристотеля «целое больше, чем сумма его частей». Холизм – «*философия целостности*»). Это антиномия. Поводом для возникновения антиномий, по Э. Канту, служит противопоставление уникального опыта разума и знаний аналитического ума. Разум выносит за скобки «умные» названия того, что относится к практическому или теоретическому знанию, и помещает в скобки все, принадлежащее опыту непосредственного («живого») познания [1]. Так, речевая деятельность как передача информации, называемая коммуникацией, антиномична логистическому опыту общения. Глагол *сказать* указывает на речевой акт, а словами *говорить вслух* отмечается осуществляющееся интенциональное состояние говорящего (лат. *intention* «устремленность»). Оказывается, что из категорического утверждения «*Я тебя не знаю и знать не хочу!*» абсолютно не следует, что говорящий категорически против познания другого человека (ср.: «*однако смотрел бы на*

тебя, не отрывая глаз», «слушал бы тебя с утра до вечера» и т. д.). Только после слова «однако» человек поворачивается к опыту своего сознания, манифестируя его.

Импульсивные интенции типа «думаю сходиться...», «мечтаю оказаться...», «не могу удержаться...» и др. не являются целесообразными желаниями или намерениями. Интенция – это вкладывание души во все, чем кто-то занимается. Интенциональный опыт сознания не существует как данный, т. е. бытийный. Однако при всей своей несбыточности он реально осуществим и оказывается необычайно важным в повседневной жизни человека.

Статья посвящена опыту осуществления (не) вербальной этологии человека – поведению *Homo loquens*, находящегося в статусе пользователя.

Для познания интенциональной сферы сознания подходит апофатический метод, интерпретирующий феномены (сущности) через то, чем они не являются (типа «Жизнь не игра» и т. п.). Аспект «не является» выводит феномены сознания из явленного мира существования, ср.: «Говоря о Боге, мы не можем установить, чем Он является, а лишь чем Он не является» (Ф. Аквинский).

Антиномия существования (*existentia*) и сущности (*essentia*) выступает исходной для постулирования присутствия в жизни каждого человека «своего» языка. Этот язык составляет антитезу общему языку, определяемому как «система знаков» (Ф. де Соссюр). Последний традиционно считается универсальным и действенным средством коммуникации [2]. Однако такой язык не является инструментом – не инструментализует ориентированный на эффект и успех смысл.

Фактор целостности и языковой опыт пользования

1.1.1. Учение о языковой антиномичности является ведущим принципом философии священника и богослова П. Флоренского. «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» [3, с. 185]. Речевая деятельность и опыт общения переполнены конструктивно систематизирующими и благодатно устраивающими все антиномиями: закон (*vs* благодать), дело (*vs*

слово), истина (*vs* правда), друг (*vs* приятель), имя (*vs* слово), святой (*vs* священный), деятельность (*vs* занятие), воля (*vs* свобода), культура (*vs* искусство), равное (*vs* одинаковое), результаты (*vs* итоги), существование (*vs* сущность), явление (*vs* феномен), работа (*vs* служба), носитель (*vs* пользователь) и др.

В приведенных антиномиях первый член относится к числу дискурсивных средств коммуникации, второй принадлежит сфере вербального инструментария общения. Из помещенных в скобки слов складывается подлинный «язык сущности» (М. Хайдеггер). Это феноменальный язык фигур и смыслов, противопоставленный общему языку как системе знаков и значений.

Составляющие антиномий нередко неоправданно смешиваются. Возникают достаточно репрезентативные *симулякры* («*simulacrum*» – «отображение», «форма», «подобие»), представляющие не существующие как данные, однако присутствующие в сознании и реальные для человека сущности (феномены) в качестве существующих. Происходит тотальная семиотизация – «симуляция» (термин постмодернизма). Так, нередко смешивается характерная для состояния свобода и свойственная деятельности воля (*свобода воли, свобода выбора*). Часто смешивается «слово» («логия») с «делом» («ургией») (*деловое общение; Слово есть дело*), служба (предприятие) с работой (*служебное соответствие*) и т. д. Таковым, думается, является и словосочетание «родной язык». Родное не может не быть «родным по крови» («*Мы с тобой одной крови – ты и я!*» – Р. Киплинг). Родным не владеют – его имеют. Различаясь спецификой и отношениями, родное, как правило, наследуется. Однако доподлинно известно, что язык по наследству не передается. Язык перенимается у старших, превосходно им владеющих, в ходе общения и обучения. Опыт ученика сближается с опытом учителя. Близость – этическое воплощение человеческой сущности – принадлежит к сфере абсолютного и, разумеется, никак не может быть связана с выражением родственных отношений; родное (*vs* близкое).

В симулякрах смешивается то, что относится к системе и закономерно организующим ее институтам, со всем, принадле-

жащим благодатной и не зависящей от воли деятеля гармонии. В этих «гибридах» не различается мир относительного соответствия (тождества) и сама реальность, познающаяся по аналогии (сходству) и абсолютному совпадению. Феноменальный мир «для нас» совершенно не такой, как существующая «сама по себе» действительность. По сути, не бывает самого по себе (без человеческого уха) звука, без читателя – текста, без учителя – ученика и т. д. Все небывалое – другое, абсолютно не соответствующее видимой «чтойности». Его сущность – в великом «Ничто». Ничего объективно не существует – его просто нет. Однако, парадоксально, оно есть «для кого». На таможне: – *Вы говорите, что ничего такого не провозите. А как же 2 бутылки водки в вашем багаже?* – *Для меня это ничего* (Из жизни – шутл.).

Феномен целостности принадлежит неотраженному опыту воспринимающего сознания («целостное восприятие», «целое состояние») – серии ситуаций, где присутствует и смотрит за всем пользователь. В силу своего статуса реципиент в состоянии (либо не в состоянии) распознать и осознать пользу (вред) всего, что благотворно или тлетворно влияет на его состояние. При этом пользователь абсолютно не задумывается над актуальными или потенциальными обстоятельствами существования чего-нибудь; годится (vs подходит). В отличие от единого – единственного и раздельного структурированного – одно целое не систематизируется, т. е. не упорядочивается, а гармонизируется – улаживается (ладится и складывается).

Единое предполагает сохранность. Это основная категория озабоченного текущими делами носителя. Так, в церковных институциях культивируется установка «Спаси и сохрани». Однако подчиненными идее триединого бога, как правило, умалчивается самое важное, что непосредственно касается человека. Кроме сохранения (защиты), есть сбережение, кроме спасения – избавление. Так, сберечь что-то – абсолютно не значит сохранить его в наличии, т. е. не дать пропасть. Берегут не имеющееся богатство, а насущное, находящееся в распоряжении человека состояние: *Береги честь смолоду* – посл.; *сберечь жизни* («целая жизнь»), *сберечь силы, сберечь тепло;*

Или изгладила чужбина Все то, чем молодость жила, И только слезы гражданина Душа живая сберегла? (Н. А. Некрасов, «Несчастные»). Сберегается «не то», а «Все, что кроме, ...» (песен.). Оберегают от опрометчивого поведенческого шага (поступка), приводящего к заблуждениям. Избавляют, освобождая, от насущных неприятностей (Ф. Ницше, обращаясь к солдатам: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью»). Спасают же от свойственного деятельности безрассудного акта, от неправильного выбора, за которым следует роковая ошибка и т. д.

Носитель языка и культуры обременен знаниями, умениями и навыками, в основе которых лежит механизм обобщающего повторения. Общим является то, что повторяется в ряду подобных единиц. Однако жизненный опыт каждого пользователя неповторим в силу его принадлежности к «разовой» реальности. «Еще раз» не значит повторить, т. к. «раз на раз не приходится». Однако пользователю, как бы он ни стремился, изначально трудно вести себя неподражаемо. Подражание («мимезис») – доминирующий принцип искусства. Все чаще говорится об «искусстве жизни», «искусстве поведения», «предпринимательском искусстве». Искусство обнаруживается в сфере, где имение («имущество») сменяется обладанием, средства – инструментами («искусно владеть...»), выполнение – исполнением и т. д.

1.1.2. План обременяющего сохранения культивируется на конференциях, посвященных национальному языку. Так, название секции «Родной язык – носитель традиционных духовно-нравственных ценностей» предполагает исследование того, что происходит и последовательно культивируется существующими институтами, а не рассмотрение всего, что незримо присутствует, обнаруживается и проходит поступательно – по ступеням (инстанциям).

Стоит ли в след за Ф. де Соссюром видеть в языке лишь систему. Все пользуются живым языком, владеют им, инструментируя подходящий для разных ситуаций смысл. Очевидно, что доклады «Сохраним язык – сохраним Россию», «Отражение в родном языке традиционных духовно-нравственных ценностей»; «Родной язык и национальные ценности» и подобные им не

ориентированы на рассмотрение неотразимого и всего, что не имеет цены, однако в человеческом измерении оказывается бесценным и обладает непреходящей стоимостью. Есть вещи, от которых никуда не деться носителям культуры. Они находятся на своем «внутреннем» месте («здесь»), абсолютно не приемля формы органического или механического существования.

Есть «одно (а не единственное!) целое»; сплоченность – не что иное, как «один а плоть». Все целостное никак не связано с системно организующим единством. Вплотную приближаясь, элементы целого не соединяются, а агглютинативно «прилепляются» («сцепляются») («...поэтому оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19:5,6)). Целостность есть источник благополучной состоятельности, а никак не являются причина желанного добра, общего порядка и имущества (богатства). Смыслом обладает целостный замысел, отсутствующий в семантической и прагматической значимости. В целом («подлунном») мире никому не наносится ущерб, однако не исключены потери. Здесь ничего не делается, однако все (не) прерывно чем-то заняты. Это мир неизменности, где ничего, по сути, не изменяется, однако часто либо редко меняется («свежий ветер перемен»).

Ориентированная на пользователя логистика целостности звучит в словах «доставить», «получить», «прибыть», «найти», «обнаружить». Этих слов нет в языке существования, отражающего то, что регулярно (а не периодически!) является. Критерием логистичности выступает не системно организованная регулярность, а обладающая расстоянием и длительностью («от... и до...») периодичность. Пользование есть необходимый опыт, подразумевающий впечатления и соображения автора занятий по конкретному поводу. А чтобы что-нибудь практически или теоретически делать, надо знать причину и предмет (объект) деятельности.

Наделенный культурой и знаниями человек, являющийся по жизни носителем, порой не замечает, насколько обременительна такая ноша. Он может славиться как расчетливый выгодоприобретатель, добро-

совестный работник, рациональный экономист или заботливый производитель. В его деятельности время от времени проявляется позитивное «как». Однако ему даже в голову не приходит, что для его блага важнее непроявленное «никак нет». Никак не проявляющееся «что-то» (логос, дао, путь) извечно где-то *есть*. Задача – найти его.

Архаический смысл негации (несуществования) доступен «служивому люду»: *Никак нет, – отвечал привратник* (Н. В. Гоголь, «Нос»). Служить – это не работать, а оказывать посильные услуги. За работу платят деньги – зарплату, а услуги оплачиваются. Плата представляется наградой (ср. пол. *wynagrodzenie za pracę*). Награду (вы)дают, проявляя к кому-нибудь расположение. Однако награждению противопоставляется чествование. Удостоенные наград надевают и носят их «во имя» (а не «ради»!): *Во имя павших и живых во имя – Фронтовики, наденьте ордена!* (песен.).

Награда является прославляющим поощрением лица. Чествование феноменально (*для меня честь*). Оказание чести не поощряет, а милует человека. Чествуя, не желают добра («Добро пожаловать»), а снисходят милостью («Милости просим»). Честь неотделима от места: *А, ваше благородие, – сказал Пугачев, увидя меня. – Добро пожаловать: честь и место, милости просим* (А. Пушкин, «Капитанская дочка»). По сути, честь не предполагает просьбу, какой бы убедительной она ни была. Выражение «милости просим» – дань этикету. Честь – сфера недискурсивной молитвы. Умоляют не для того чтобы было, а чтобы не было: *Эмоции? Я вас умоляю, какие эмоции? Мои сотрудники все свои эмоции оставляют на проходной...* (С. Шабанов, «Эмоциональный интеллект. Российская практика»); – *Я вас умоляю не обзывать мою племянницу этим скверным прозвищем* (Дж. Линдсей, «Магия любви»).

Служение безымянно и неноминативно. Однако служба не обходится без званных и призванных. Именнование здесь сменяется апелляцией («зовом»), знаковое приглашение – позывным сигналом, именитость – известностью. Слово человек (как и бог) не являются названиями (именами), а используются и фигурируют в статусе

апеллятивных званий. Их не носят. В них, словно в мундирах, «ходят» (*ходить в звании полковника, ходить в звании профессора* и др.). В отличие от «избранных» «званные» не работают, аднако находятся в состоянии занятости, испытывая необъяснимый «вечный зов» к своему занятию и чувствуя импульс к нему – «вызов» (ср. пол. *wezwanie; To są wyzwania. Wyzwania są naprawdę olbrzymie. Oczywiście skala wyzwania jest ogromna*).

Состояние занятости нельзя остановить, однако ничто не мешает его прерывать либо периодически сдерживать (придерживать). Очевидно, что в ситуациях, где есть перерыв (ср. пол. *rozrywka*), фигуранты не работают и не должны работать – только заниматься (школы, студии и др.). Сюда не идут, а ходят (*ходить в библиотеку, ходить в бассейн, ходить в баню* и др.). Здесь (в «похождениях», «походах») ничего не происходит и, по сути, не может произойти – только все случается; происшествие (vs случай). В случившемся никто не виноват, однако есть уверенность, что «все из-за него». Здесь нет интереса – есть интрига.

Знаменем «походного» статуса всего в языке повседневности выступает слово «заодно»: *Схожу в баню, заодно помоюсь* (шутл.). Это слово отнюдь не свидетельствует о некоем соответствующем единстве – согласованности и согласии. Оно прикладывается к состоянию совпадения. Так, не бывает единого мнения. Мнения совпадают (сходятся) в одном. Манифестации по модели «Она со мной заодно» говорят о гармоничном совпадении (мыслей, интенций, замыслов и др.). В целесобразной деятельности проявляется «единое», однако абсолютно отсутствует «одно» («один порыв»). Порываться совершить что-то – не значит «хотеть что-нибудь сделать». Интенция порыва корреспондирует с посвящением: ...*Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы* (А. С. Пушкин).

Любой носитель языка что-нибудь да знает, однако, по сути, ни во что не посвящен. С точки зрения идеологии, он не может и не должен обладать статусом цивилизованного пользователя. Последний никак не настроен на точное выполнение порученного ему дела, на своевременное погашение долгов, персональную ответст-

венность и т. д. Его священная обязанность – выступать источником свободы. Сознательно исполняя что-то, миловать – освобождать себя и других от гнета и лукавства.

Позитивная личность носителя может быть весьма привлекательной. Как правило, он обращает на себя внимание и порождает неподдельный интерес, с ним считаются. Библейское «*Носите бремена друг друга*» (Галатам 6:2) равнозначно установкам типа «*Помогайте друг другу переносить невзгоды*», «*Разделяйте тяготы и лишения с остальными*». Носитель жертвует собственным положением. Связанные с жертвой «приношения» никак не «работают» на его авторитет и признание со стороны. Нельзя пожертвовать тем, что пользуется спросом и наживается «непосильным трудом». Его дарят; подарок (vs дар). Пользователь не помочник в делах, а благоприятствующий осуществлению и приятию чего-либо миссионер и пропагандист.

Заклучение

Языковая личность, не будучи осведомленной в чем-нибудь, делает ошибки, сказывающиеся на организованности и результативности ее деятельности. Как носитель культуры, она страдает от невыгодных отношений и нежеланных результатов. Понятие «положение» (вход и выход), являющееся основополагающим для системы, направлено на сохранение соответствия всех личных волеизъявлений установленным и утвержденным правилами (законам). Носитель культуры, не исключая культуру речи, ограничен существующими моральными и нравственными рамками.

Антиномия основанной на единстве системы – целостная гармония всего. Здесь не бывает ошибок, однако никто не застрахован от заблуждений. Последние не связаны с идентификацией (различием), а сводятся к аутентификации (распознаванию). Путаает не тот, кто не способен отличить кого-, что-нибудь и сделать правильный выбор. Заблуждается ищущий – кто не в состоянии распознать и заметить разницу. Выбор должен быть предложен, человек же ищущий всегда решает сам, не забывая при этом прислушиваться к авторитетному мнению. Аутентичный человек признается грамотным пользователем и исполнителем.

Такая трансформація, як «вихід в люди», грає суттєву роль в справі збереження себе як системно пов'язаної одиниці, однак ніяк не торкається втілення всього людського – своєї душевно-плотської і

професійної діяльності. Це зміна своєї сутності. Домінуючий і гармонізуючий всі лозунг – «Назад, к Самому Чоловеку!» (Є. Гуссерль).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. : юбил. изд. 1794–1994 : пер. с нем. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 3 : Критика чистого разума. – 740 с.
2. Сенкевич, В. И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В. И. Сенкевич. – Siedlce : Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 262 с.
3. Флоренский, П. А. Сочинения : в 2 т. / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Т. 2 : У водоразделов мысли. – 446 с.

REFERENCES

1. Kant, I. Sbornik spisaniy : v 8 t. : jubil. izd. 1794–1994 : pier. s niem. / I. Kant ; pod obshch. ried. A. V. Gulygi. – M. : ChORO, 1994. – T. 3 : Kritika chistogo razuma. – 740 s.
2. Sienkievich, V. I. Fienomenologichieskaja lingvistika. Etichieskiye nachala i principy jazyka / V. I. Sienkievich. – Siedlce : Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 262 s.
3. Florenskij, P. A. Sochinienija : v 2 t. / P. A. Florienskij. – M. : Pravda, 1990. – T. 2 : U vodorazdzielov mysli. – 446 s.

Рукапіс надіслано у редакцію 23.06.2023